

А

Олег Лукьянченко

Вертикаль жизни Фаддея Зелинского

Оригинал находится здесь: [Ростовская Электронная газета](#)

© Лукьянченко Олег Алексеевич

Фаддей Францевич Зелинский – одна из ярчайших звезд той суперзвездной эпохи. Русский по рождению и языку, поляк по крови, эллин по духу и призванию; друг Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова; филолог-классик, педагог, полиглот, энциклопедист, переводчик, поэт, прозаик, деятель культуры в истинном смысле затертого этого словосочетания, – он задался грандиозной целью: привить "к российскому дичку" неувядающую ветвь античности. Профессор Санкт-Петербургского, а впоследствии Варшавского университета, член-корреспондент Российской Академии Наук, доктор honoris causa четырнадцати университетов Европы, один из последних (1919 года) лауреатов Пушкинской премии, окруженный почетом и признанием коллег, учеников и просвещенных читателей, после 1922 года исчезает с культурного горизонта России, ставшей Союзом Советских Социалистических Республик. Краткая литературная энциклопедия с каждым новым изданием отводит тексту под именем Ф. Ф. Зелинского все меньше строк, а Большая советская и вовсе о нем умалчивает.

Нельзя сказать, что имя это напрочь было утрачено в социалистическую эпоху – иногда мелькало в оглавлениях хрестоматий и сборников античной литературы; уж непременно – в сносках и комментариях; порою в редких тогда мемуарах о серебряном веке, в последних принадлежа как бы некому фоновому персонажу, о котором каждому следующему поколению читателей становилось известно все меньше и меньше. Очевидно, по этой причине и в новой России, когда труды Зелинского стали достаточно широко переиздаваться (а в 1995 году застолбили первую строчку в рейтинге интеллектуальных бестселлеров "Книжного обозрения"), личность его, как и подробности биобиблиографии, остаются мало кому знакомыми.

Почему так произошло, чем была вызвана полоса забвения?

Причина, лежащая на поверхности, заключалась в том, что с 1922 года Ф.Ф.Зелинский перестал быть российским ученым, поскольку по приглашению Варшавского университета переехал в обретшую независимость Польшу, на свою историческую родину. Отъезд не был высылкой, хотя по времени практически совпал с печально знаменитым рейсом "парохода ученых"; в знак признания заслуг профессора его даже провожал на вокзале тогдашний нарком просвещения Луначарский; тем не менее сам факт эмиграции, по идеологическим нормам того времени, считался приметой политической неблагонадежности и делал Зелинского чужим и чуждым "молодой республике советов".

Однако главная причина глубокого забвения крылась глубже. Мы погрешили бы против истины, сказав, что классическая филология была вовсе не востребована советской системой образования: ее продолжали изучать в Московском и Ленинградском университетах, к которым после аннексии восточной Польши присоединился еще и Львовский, но даже эта погруженная в древности наука была поставлена на фундамент марксистской теории, а Фаддей Францевич лишь снисходительно улыбнулся бы марксовой трактовке древней Эллады как детской колыбели человечества: для него самого античность была не детством, а расцветной порой европейской цивилизации, живым семенем, давшим ростки всех последующих культурных достижений христианской Европы. "Не норма, а семья", – не уставал повторять Ф.Ф.Зелинский в своих лекциях и сочинениях и всей своей необозримо многогранной деятельностью стремился к выполнению жизненной сверхзадачи, а ею была идея русского и – шире – славянского Возрождения.

В самых общих чертах смысл этой идеи сводился к следующему. Античный мир пал под натиском варваров, на тысячелетие окунувших Европу в мрак средневековья. Пережив эпоху Возрождения, западноевропейские нации, оплодотворенные тем самым античным семенем, вернулись к общим культурным корням и преодолели ступень варварства. Россия же и другие славянские нации этого благотворного влияния не испытали. Чтобы вернуть их в лоно